

Кляни себя и свой обманъ,
 Терзайся, лей рѣкою слезы!
 Твое лукавство и угрозы
 Увлечь ограбленнаго въ адъ
 Теперь тебя лишь тяготятъ;
 И шерсть козлиная съ тобою
 Пребудетъ въ вѣкъ, какъ съ сатаною,
 Который съ радостию злой
 Теперь летаетъ надъ тобою.
 «Иманъ, Иманъ!» тебѣ на ухо
 Шипитъ ужасный голосъ духа,
 Какъ шорохъ листьевъ или змѣи,
 «Пріятны-ль цехины мои?»
 Напрасно, мучимый тоскою,
 Окованъ мощною рукою,
 Вѣжишь въ обитель спящихъ женъ;
 Онѣ невинны: легкій сонъ
 Смыкаетъ сладостно ихъ очи,
 Для нихъ отрадны тѣни ночи,
 Въ душѣ ихъ царствуетъ покой...
 Напрасно съ просьбой и мольбой
 Ты ожидаешь состраданья;
 Твой гнусный видъ, твои рыданья,
 Твои слова: «я—вашъ супругъ»,
 Какъ громомъ, ихъ сразили вдругъ.
 Испуга пагубнаго жертвы,
 Онѣ упали полумертвы
 При этихъ горестныхъ словахъ.
 «Не мужъ явился къ намъ въ рогахъ,
 Съ брадой и шерстію козлиной;
 Но духъ подземный, нечестивый,
 Принявъ козла живаго видъ,
 Его устами говорить».
 И крикъ дѣтей, и женъ смятенье,
 И въ домѣ страшное волненье,
 И визгъ, и вой: «Алла, Алла!»
 И бысролетная молва,
 И рѣчи, сказки объ Иманѣ
 И о смѣшномъ его кафтанѣ
 Въ селенѣ быстро разнеслись.
 «Гдѣ, гдѣ онъ?» вопли раздалися
 «Кажите намъ сего урода!»
 И сонны буйнаго народа

